

1

Улица жила. Лязг вагонов надземки, сигналы автомашин, громохание мчащихся троллейбусов, мощный гул человеческих голосов кипели в темно-синем воздухе, разрываемом на клочья тьмы снопами огней всех цветов и оттенков. Толпа переливалась как множество змей, плотно заполняя тротуары, поблескивая в светлых квадратах витрин и погружаясь в полумрак домов. Только что омытый асфальт шипел под сотнями автомобильных шин. Одно за одним проносились скользкие на вид черные и серебристые тела длинных машин.

Я шел без цели и мысли, втиснутый в толпу, ставший ее нераздельной частицей, позволяя нести себя, как волна несет пробку.

Улица дышала, ворчала и гудела, меня омывали потоки света и струи тяжелого аромата женских духов, охватывал то резкий дым южных сигарет, то сладковатый, удушающий запах опиумированных сигар. По фасадам домов в головокружительном темпе взбегали неоновые буквы угасающих и разгорающихся вновь реклам, взвивались фонтаны огней, мигали сумасшедшие сполохи ракет и фейерверков, осыпаясь последними искрами на головы толпы.

Я проходил под гигантскими, ярко освещенными порталами, шел мимо темных магазинов, надменных колонн каких-то незнакомых зданий: погруженный в подвижную, многоязыкую, ни на мгновение не умолкающую массу людей, и все-таки более одинокий, чем на необитаемом острове. Пальцы машинально перебирали в кармане два пятицентовика, составлявшие весь мой капитал.

На пересечении трех больших улиц, каменные жерла которых уходили вдаль сужающимися в перспективе шеями с позвоночником фонарей, я отделился от толпы и остановился на бордюре.

В зависимости от цвета загорающихся огней толпа переползала через проезжую часть, словно выпущенная из какого-то гигантского

шлюза. Гудели, выли, рычали моторы автомобилей; время от времени раздавался душераздирающий визг тормозов. Пробегаящий мимо разносчик сунул мне в руку какую-то ненужную газету. Я купил ее, чтобы только отделаться от него, засунул за манжет и продолжал наблюдать.

Толпа, вообще-то говоря, всякий раз была иной, одновременно оставаясь той же самой. Улица продолжала пульсировать в двух противоположных направлениях, пропуская через свою асфальтированную горловину человеческие массы попеременно с блестящими железяками автомобилей.

Неожиданно с узкой полосы проезжей части съехала огромная, блестящая тень и с тихим шуршанием покрышек остановилась около меня. Это был гигантский «бьюик». Опустилось правое переднее стекло, и изнутри послышалось:

— Что у вас за газета?

Одновременно рука в тяжелой шоферской перчатке указала на белый краешек бумаги, торчащий у меня из-за рукава.

Тон, каким был задан вопрос, и его содержание показали мне, разумеется, очень странными, но жизнь научила меня ничему не удивляться, особенно в крупных городах. Я ответил, вытащив газету (поскольку и сам не знал ее названия):

— «Нью-Йорк таймс».

— А какое сегодня число? Какой день? — спросил тот же голос. Эта дурацкая игра мне наскучила.

— Пятница! — ответил я, чтобы отвязаться.

В тот же момент дверь автомобиля открылась и голос приказал:

— Садитесь.

Я сделал такое движение, словно хотел попятиться.

— Быстро! — было произнесено с такой силой, что я невольно послушался.

Не знаю, как я упал на мягкие подушки, как дверца хлопнула и тут же, словно в гангстерских фильмах, машина рванулась с места. Уличные фонари задрожали, вытянулись в пульсирующую ленту — мы мчались вперед.

Я осмотрелся. В машине было темно. Я сидел один на заднем сиденье. Впереди, на фоне слабо освещенной приборной доски и лобового стекла, маячили два почти одинаковых мужских силуэта — водитель и его спутник. Я принялся раздумывать. Правда, ум мой был немного «тронут» вынужденным двухдневным недоеданием, но работал достаточно исправно. Голод скорее подталкивал к нетривиальным

решениям и вызывал некоторое безразличие к внешним событиям. Но сейчас... А собственно, что сейчас происходило? Машина, по-видимому, выехала на какую-то не столь забитую улицу, поскольку мотор начал издавать тот характерный высокий тон, который свойствен высокооборотным агрегатам, работающим на полном газу. Неожиданно резкий поворот — тормоза, на которые вдруг сильно нажали, запищали, машина, несколько раз мягко подпрыгнув, въехала в какое-то углубление и остановилась.

Двери не открылись. Водитель дал сигнал — один короткий, второй длинный. Мигнул яркими фарами, переключил на слабые, а потом вырубил и их. Мы оказались в кромешной тьме.

— Что за комедия, черт побед... — начал я громко, но голос мой прозвучал слишком слабо, уши еще были полны шумом мотора. Впрочем, в тот же момент перед носом машины вспыхнул четырехугольник слабого света. Автомобиль заворчал и двинулся вперед. Неожиданно я почувствовал, как пол опускается. «Ага, — подумал я. — Подземный гараж». И тут мы остановились.

Двери машины открылись. Водитель повернулся ко мне лицом — огромным, широким, с мощными челюстями и кустистыми бровями, лицом одновременно сухим и мясистым. Я вышел. Ноги ступали легко — полы в этой подземной галерее были из заглушающего звуки материала. Потом открылась какая-то боковая дверь и стал виден темно-голубой зал, в котором сидели пятеро мужчин. Зал был невелик. Мужчины, сидевшие за маленьким круглым столом, тут же поднялись и молча уставились на меня, как бы ожидая чего-то.

Самый невысокий, темный блондин, человек среднего возраста, со слегка одутловатым, бледным и блестящим лицом, обратился к моему спутнику-водителю:

— Это он?

Водитель, казалось, был немного удивлен вопросом, замялся, но ответил:

— Конечно.

Теперь спрашивающий обратился ко мне, подойдя так, что мы оказались лицом к лицу.

— Какой сегодня день?

На этот раз я ответил, уже не отступив от истины: дескать, среда — и это вызвало как бы дрожь, пробежавшую по лицам присутствующих. Какое-то мгновение я думал, что оказался среди сумасшедших, но даже не успел испугаться, потому что водитель, человек атлетического сложения, быстро шагнул вперед и заговорил:

— Господин Фрэйзер, клянусь, он сказал «пятница». И у него была «Нью-Йорк таймс». И стоял он на углу Пятой улицы.

— В чем дело? — спросил мужчина с бледным лицом. — Откуда вы взялись?

— Из Чикаго, — ответил я. — Может, теперь моя очередь задавать вопросы? Что значит это сборище? И странная поездка на машине?

— Не напрягайтесь, — прервал он ледяным тоном. — Ваша очередь задавать вопросы еще не настала. Почему вы сказали, что сегодня пятница?

У меня мелькнула мысль, что все-таки передо мной психи. Надо бы вести себя поуступчивее и мягче. Где-то я читал об этом.

— Если как следует подумать, — начал я, — то, может, и верно пятница. Особенно если считать по Гринвичу...

— Не городите чепухи, ближе к делу. Письмо и инструменты при вас? Я молчал.

— Так... — медленно сказал мой собеседник. — Так. Ну, прежде чем... прежде чем... Короче, скажите нам, кто вас подослал? С какой целью вы приехали? И кто вам сказал, что и как следует сделать, чтобы попасть сюда?

Последние слова он чуть ли не прошипел, показав при этом зубы, которые были еще белее или скорее бледнее, чем лицо. Остальные четверо по-прежнему стояли неподвижно, уставившись на меня не то угрожающе, не то выжидающе.

Понемногу я начал что-то соображать. Во всяком случае, это не были психи. Нет. Я оказался полным идиотом. И влип в какую-то паршивую историю.

— Господа, — начал я. Беззаботный тон тут явно был не к месту, однако я продолжал держать марку: — Господа, я — репортер, то есть был репортером «Чикаго уорд». По некоторым причинам два месяца тому назад меня уволили. В поисках работы я приехал в Нью-Йорк. Я здесь уже несколько недель, но ничего не нашел, а что касается того, как я к вам попал, то уверяю вас, это чистая случайность. Думаю, никому не возбраняется покупать «Нью-Йорк таймс»?

— И, отвечая на вопрос о дне недели, говорить в среду, что сегодня пятница... Так, да?

Услышав слова, впервые произнесенные высоким худощавым мужчиной в очках, я повернулся к нему и одновременно отметил, что дверь была загорожена. Там стоял водитель машины с массивным, каменным, невыразительным лицом и целиком заполнял собой дверной проем. Я понял, что они мне не верят.

— Господа, — начал я. — Это глупое стечение обстоятельств... Пожалуйста, позвольте мне уйти... Я ведь ничего не знаю и не понимаю. Не знаю даже, где нахожусь.

— Вы, похоже, не ориентируетесь в ситуации, — медленно проговорил мужчина с бледным блестящим лицом. — Вы не можете отсюда уйти.

— Сейчас — нет. А когда?

— Никогда.

Мне сразу как бы полегчало. Теперь все стало ясно. Те четверо медленно, не спеша сели, прикурили сигареты от маленькой масляной лампы, а я глядел. Я глядел с особой жадностью на их движения, на ярко освещенную комнату, на лицо стоящего передо мной человека, выносившего мне приговор. «Наверное, — думал я, — надо что-то сказать, просить, убеждать, подробно объяснять?» Объяснять? Но стоило заглянуть в его глаза, блекло-голубые, далекие, как становилось понятно, что любые мои заверения не имеют смысла.

— Ничего не понимаю, — сказал я, выпрямляясь. — Я устал и голоден. Я не знаю, за что должен умирать. И зачем. Но даже людоеды кормят свои жертвы... Простите, я голоден. — Я замолчал, подошел к столу, вынул из коробки сигарету и прикурил от пламени лампы.

И тут я заметил, что мужчины молча переглянулись, потом — поверх меня — глянули на того, который разговаривал со мной, вроде бы их предводителя, и снова застыли. Дверь была забаррикадирована телом, загораживающим доступ к ручке, — оно тянуло фунтов на двести. Я не выспался, был утомлен, голоден. Бороться не имело смысла.

— Дайте ему поесть, — сказал бледнолицый мужчина, — и позаботьтесь о нем. Но как следует!

Водитель молча отворил дверь и подал мне знак.

— Спокойной ночи, господа, — сказал я и последовал за ним.

Дверь хлопнула, я вышел в полумрак коридора.

В тот же момент меня схватили две сильных руки, послышался щелчок, и я почувствовал на запястьях холод наручников.

— Так-то вы обходитесь с гостями, — бросил я, не поднимая головы.

Шофер и его невидимый в темноте помощник, сковавший меня, были не из болтливых. Один тщательно ощупал мои карманы и, не найдя ничего подозрительного, легонько подтолкнул меня вперед.

Я понял это как приглашение к завтраку. Мы шли во тьме египетской не меньше минуты, и тут мой провожатый остановился так резко, что я чуть было не налетел на неожиданно выросшую передо мной,

до того невидимую, стену. Раздался глухой щелчок, и открылась дверь — прямоугольник света.

Новое помещение напоминало банковское хранилище, вернее сказать, такими их представляют любители детективных романов. Огромные стальные двери захлопнулись за спиной у меня и моего провожатого, заблокированные гигантскими когтями задвижек, ушедшими в пазы дверной коробки. Комната ярко освещалась голой лампочкой. Стены были образованы правильными рядами стальных дверок с массивными ручками и многочисленными замочными скважинами. Единственной мебелью были два стоящих на бетонном полу низеньких стульчика, табурет о трех ножках и небольшой столик. Странно — все предметы были из стали. Правда, заметил я это лишь после того, как шофер пододвинул ко мне ногой табурет — тот издал характерный звук.

Я сел, шофер подошел к столику, приподнял крышку и достал из открывшегося таким манером ящика несколько банок консервов и длинную булку. Потом извлек из кармана огромный складной нож, открыл нужное острие, вспорол одну банку, тем же ножом нарезал хлеб и снова принялся шарить по карманам. Наконец он вытащил ключик от моих наручников — именно в тот момент, когда я уже подумал, что он собирается кормить меня сам. Потом сел напротив и принялся наблюдать за моими достаточно однообразными действиями. Созерцание продолжалось до тех пор, пока не опорожнилась банка. Я взглянул на следующую — омары (я очень люблю омаров) — и протянул руку: нож. Шофер немного покривил свою загорелую массивную физиономию, что, видимо, должно было изображать улыбку, отрицательно покачал головой и сам вскрыл банку. «Он меня боится!» — подумал я с удовлетворением, поскольку он весил наверняка раза в два больше меня. Когда и эта банка опустела и была тщательно протерта корочкой хлеба, я спросил:

— Сухой закон?

Шофер снова растянул в улыбке рот, теперь чуть пошире, поднял крышку стола и достал бутылку отличного коньяка. Я думал, он чокнется со мной, но он только вынул пробку и поставил передо мной рюмку для яиц, которой я, однако, пренебрег. Солидная порция коньяка просветлила мне мозговую машинерию: я подумал, что оказался в достаточно интересной ситуации, и уже собрался спросить о возможности хоть как-то поспать в этом паршивом отеле, когда у меня над головой раздался низкий короткий гудок, повторившийся трижды. Шофер едва заметно вздрогнул, вынул наручники и сказал:

— Пошли.

Я заколебался — он отступил на шаг и дотронулся до подозрительно выпячивающегося кармана брюк.

— Подчиняюсь силе, — сказал я громко, улыбнулся и подал руки. Он тоже улыбнулся, правда, малость кривовато, открыл дверь, и мы погрузились в царящую по другую их сторону темень.

Теперь мы шли явно в другое место, потому что в определенный момент он взял меня за руку и потянул. Это было вполне своевременно, иначе б я растянулся во весь рост на ступенях. Мы поднимались по лестнице. Вскоре я заметил постепенно усиливающийся бледно-голубой свет, и наконец мы вошли в широкий безоконный коридор, стены которого освещали заглубленные в поверхность матовые лампочки. Коридор кончался дверью размером во всю замыкающую его стену. Когда мы подошли, шофер подтолкнул меня вперед — дверь сама раскрылась и сама за нами, вернее, за мной закрылась.

Я оказался в огромной библиотеке — таким было первое мое впечатление. Стены до потолка закрывали книжные шкафы и полки, забитые книгами. Рядом с полками стояли лесенки, столики с лампами, кресла, в середине — небольшой овальный столик, за которым сидели уже знакомые мне мужчины. Один — тот, который только однажды обратился ко мне, высокий и худощавый, с седыми висками, — сверкнул в мою сторону стеклами очков. Я подошел ближе.

— Мы только что говорили о вас, — сказал этот человек медленно и довольно тихо. Казалось, он очень утомлен. Я слегка поклонился и ждал. — Хотелось бы вам верить... Проверка показала, что скорее всего вы не солгали...

Я удивленно взглянул на него. Какая еще проверка? Неужто завтрак с молчаливым шофером был проверкой? В таком случае мне приходилось признать ее весьма поверхностной. Седой мужчина, казалось, не обратил внимания на мое удивление.

— Вы не по своей воле попали в определенное... весьма сложное положение. — Было видно, что он обдумывает каждое слово. — Одно вам следует знать: таким, каким вы были до этого, вам отсюда выйти невозможно.

У меня мгновенно мелькнула мысль, что я оказался в центре какой-то идеально организованной гангстерской банды, а может, шайки политических экстремистов или чего-то в этом роде. Но книги? Книги-то зачем?

— Вы не выйдете вообще, либо... — Он осекся, глядя на меня внешне спокойно, но я чувствовал напряженность.

— Либо? — спросил я. И, обращаясь к тому, кто уже при мне прикуривал сигарету, добавил: — Простите, можно вас попросить? Понимаете, я не могу пользоваться руками, а с удовольствием бы закурил.

Он медленно (они все делали в замедленном темпе — это было смешно, но одновременно и страшно) сунул мне сигарету в рот и поднес огонь. Другие тут же снова обменялись взглядами.

— Либо вы будете нашим... — закончил мужчина в очках. — И, судя по вашей внешности, кажется мне, случится именно так.

— Внешность бывает обманчива, — сказал я, тоже стараясь говорить медленно, не столько для того, чтобы подладиться под них, сколько чтобы совладать с действием выпитого после долгого поста коньяка. — Можно ли узнать, в чем дело?

Молчавший до того мужчина с широким бледным лицом поднял голову.

— Этого вы, конечно, знать не можете, — сказал он как бы извиняясь. И добавил громче: — Да и не все ли вам равно? Все очень просто: слушать и молчать.

Должен признаться, беседа повергла меня в весьма странное состояние. Когда мне казалось, что это удивительное общество обрекло меня на исчезновение, то есть смерть, и я понимал, что мое положение безнадежно, я вроде бы даже успокоился, но теперь новый поворот пробудил во мне какие-то странные силы. Человека в безвыходном положении охватывает апатия, отупение, однако достаточно малейшего проблеска надежды — и силы возрастают в сотни раз, все органы чувств обостряются до крайности, и он обращается в сплошной напряженный мускул, чтобы в бешеном усилии спасти свою жизнь. Так было и со мной. Разговаривая приглушенным голосом, медленно, я одновременно внимательно рассматривал все окружающее меня из-под полуприкрытых век, изучая детали. Бежать?.. А почему бы и нет? Конечно, это была крайность. Можно схватить массивную пепельницу со стола и запустить в лоб председателю, но это глупо. Гораздо лучше бросить ее в большой освещавший зал светильник. Однако надо было знать, сколько лампочек горят внутри матового шара. Одна или несколько? От этого могло зависеть все. Ну хорошо, но еще оставались двери. Странные двери, отворявшиеся и закрывавшиеся как бы самостоятельно. Я стоял к ним спиной и не знал, была ли у них ручка.

— Вы не должны задавать вопросов, — медленно, с нажимом продолжал мужчина с бледным потным лицом, сминая сигарету в серебряной резной пепельнице.

Сказав это, он стряхнул с манжета невидимую пылинку и неожиданно охватил меня своим холодно-голубым взглядом.

— Простите... — улыбнулся я, слегка пожав плечами, и глянул краем глаза. У дверей была обыкновенная ручка. — Мне кажется, я все же могу хотя б в общих чертах...

Один из мужчин, который, казалось, вовсе не слушал наш разговор, неожиданно бросил несколько слов на каком-то непонятном мне языке. Странные горловые звуки. Мой собеседник наклонился над крышкой стола и сказал быстро и тихо:

— Вы согласны?

— На что? — Я любой ценой хотел выиграть время.

— У вас есть выбор: либо вы вступите в нашу... — Он замялся.

«По-видимому, у них нет практики, — подумал я. — Это никакая не гангстерская банда, там правят другие законы».

— В нашу организацию, — продолжил мой собеседник, — либо вас обезвредят.

— То есть охладят до температуры грунта, так, что ли?

— Нет, — спокойно сказал он. — Мы вас не убьем. Просто продаем над вами маленькую операцию, после чего вы на всю жизнь останетесь идиотом, психически недоразвитым.

— Так... А что мне придется в вашей «организации» делать?

— Ничего такого, чего бы вы сделать не могли.

— Это противоречит закону?

— Чьему закону?

Я был заинтригован.

— Ну как же... нашему закону, закону Соединенных Штатов Америки.

— Несомненно... иногда, — ответил он. Все как бы по приказу едва заметно улыбнулись. Я бы сказал: на мгновение ожившие маски. Я сделал медленное движение ногой, чтобы, развернувшись назад, схватить пепельницу. Но сумею ли кинуть ее в лампу скованными руками? Я был неплохим гимнастом. В тот же момент мужчина в очках отвернулся от стоящего у столика олеандра в шикарной малахитовой вазе и бросил несколько слов, которых я не расслышал. Дверь раскрылась, и появились шофер с помощником.

— Отведите его... в операционную, — сказал председатель. — И снимите наручники.

Шофер подошел ко мне, скрипнул ключик в замке. В следующий момент я нанес ему удар стальным браслетом левой, еще скованной руки в висок и добавил сильным ударом ноги в живот. Он упал, не